Казами и Изумо собирались остаться на ночь в японском UCAT, поэтому первыми узнали, что Хибу отправили в больничную палату после битвы с Ацутой.

Они вместе с Ооки покинули школу и поспешили в Окутаму прямо в школьной форме.

— Что скажешь, Чисато? Мелкой сошке нужно было просто сбежать, после того, как его отделали.

— У мелкой сошки есть героиня. Как раз когда она не смотрит, самое время проявить реальную силу воли.

— Вот оно как? — спросил Изумо, когда остановился в белом подземном коридоре. Медицинская палата открывалась по нажатию кнопки, поэтому они вошли и продолжили идти к ряду кроватей в одном углу.

— Мужчина в чёрном.

Он стоял перед одной из коек.

Заметив девушку и парня, он обернулся. У него были узкие глаза и чёрные волосы жителя континентальной Азии.

Однако он слегка поклонился раньше, чем они успели что-либо сказать.

— Я быстро организовал для него кое-какое лечение. Хотелось бы хоть чем-то ему помочь.

— Кто вы?

Казами и Изумо немного насторожились, а мужчина шагнул вперёд.

— …

Не успели они и глазом моргнуть, как он прошёл мимо.

Казами также заметила, что в её руке появилась визитная карточка.

За спиной она услышала открытие двери и голос.

— Пожалуйста, поймите, что китайский UCAT не намерен становиться вашими врагами.

Казами проверила имя на карточке.

— Так вы родственник доктора Чжа…

— Это распространённая фамилия в моей стране. Может, поэтому у нас принято считать друг друга одной большой семьёй. …В любом случае, прошу, позаботьтесь об остальном. Если вам что-нибудь понадобится, обращайтесь в любое время. Моя страна считает, что великие и талантливые личности рождаются на любой земле, и надеется продолжить дружественные отношения, как сосед с наиболее продолжительной историей в мире.

Казами услышала стук двери и шаги, уходящие по коридору.

Остались только Изумо, Казами и перебинтованный человек, спящий в кровати перед ними.

— Хиба… Уже второй день подряд ты показал себя настоящим мужиком.

Парень, накрытый тонкой тканью вместо одеяла, медленно открыл глаза.

Его левая рука была в гипсе от самого плеча, а на правую поставили капельницу. Всё его тело покрывали талисманы и бинты, но мелкие царапины и ссадины оставили без внимания, и всё лечение сосредоточили на тяжелых ранах, внутренних или внешних.

Он выдал тихий вздох.

— Я победил?

— Микаге забрали в отдел разработок и вроде как положили на лечение.

— Надо же, — Хиба выдал рассеянную улыбку, но боль придала ей горечь. — Мне ещё к ней нельзя, да?

Он засмеялся, но, содрогнувшись от боли, прозвучало скорее как кашель.

Затем поднял взгляд и проговорил к Казами, которая с облегчением вздохнула.

— Нужно сказать вам спасибо.

— За что? Аж мурашки по коже, когда ты ни с того ни сего так говоришь. Что мы такого сделали, чтобы вдруг нас благодарить?

Казами в недоумении нахмурилась.

— А-а, — негромко протянул он. — Вы не знаете?

Хиба поднял взгляд на двух хмурых старшеклассников.

— За кое-что неприличное.

Как парень, так и девушка врезали кулаком по тяжело раненному пациенту.

— А, стойте! Нет-нет! Не бейте меня так! А то пойдёт кровь!

Они его проигнорировали и продолжили умеренный шквал ударов, но за их спинами раздался неожиданный голос.

— Ох, батюшки. Жизнь из вас прямо бьёт ключом.

Голос был женским. Они слышали его не первый раз, но всё равно ответили вопросом.

— Диана?

Казами развернулась и обнаружила женщину, стоящую у стены в костюме.

Девушка на неё уставилась.

— Ты здесь, чтобы врезать этому балбесу?

— Нет бы спросить, не пришла ли она меня проведать, Казами-сан!

— Помолчи, — огрызнулась она, после чего скрестила руки на груди перед Дианой.

Казами призадумалась, почему женщина здесь, но быстро поправила свой ход мыслей.

…Ответ вполне очевиден.

Всё просто.

Что с ними сейчас происходит? И что происходит вокруг них?

Саяма и Синдзё вышли на связь, рассказав о завершении Пути Левиафана с 8-м Гиром и прибытии в Сакаи.

Харакава ушёл на базу, а Хио взяла растительное существо с собой, чтобы проведать его мать.

Всех объединяло то, что они готовились к столкновению с Топ-Гиром и расследовали прошлое.

Даже попытайся кто-то его скрыть, они не сдадутся и не отступятся.

Учитывая это, почему к ним пришла Диана?

Казами смело посмотрела перед собой, встречая взгляд Дианы в лоб.

— Прямо сейчас мы отбились от 1-го, 2-го и 6-го, напавших на нас. Хио разбирается с 4-м, а Саяма сказал по телефону, что переговоры с 8-м завершены. Остаётся только 3-й и Топ-Гир, — она постучала по полу носком. — Мы также готовимся к встрече с Топ-Гиром.

— И? Что с того?

Диана любопытно наклонила голову и улыбнулась, поэтому Казами широко улыбнулась сама.

— Мне кажется, самое время нам услышать, что случилось в прошлом.

Казами затем села на кровать Хибы. Она проигнорировала стон боли за спиной, опёрлась руками и спросила, что необходимо, не отворачиваясь от Дианы.

Она верила, что женщина ждёт этого вопроса.

— Что случилось в той битве с Топ-Гиром?

— Ты серьёзно думаешь, что я тебе расскажу?

— Тогда зачем ты здесь? — Казами пожала плечами. — Это больничная палата. Тебе не нужно здесь скрывать болезненные вещи.

— Даже если я уже проглотила ту боль?

— Тогда найти хорошего врача. Такого, что надеется достичь места за гранью того, где его пациент. …Врача, который скажет, что болезнь больше не мучает.

Казами не отводила взгляда на своих словах.

— Мы выступим против Топ-Гира. Обязанность перед прошлым, забота о том, с чем нам предстоит столкнуться, предостережения и совесть здесь совершенно не причём. Мы решили противостоять Топ-Гиру, значит так и сделаем. …Мы не остановимся просто потому, что ты отмалчиваешься.

— Даже если это противостояние лишит ваш Гир множества его прав?

— В любом случае Топ-Гир начнёт сражение в том или ином виде. Если сказать иначе…

Казами тщательно подобрала слова.

— Концептуальная война для Лоу-Гира ещё не кончилась. …И в то же время тебя так сильно заботит прошлое, что ты хочешь верить, что оно уже кончено. Ты думаешь, что, запечатав его, положишь конец сражениям и убережёшь нас от потерь.

Она перевела дух.

— Ты стоишь на пути, Диана. Время для мира прошло. Нет, его никогда и не было. Ты просто закрыла глаза, тогда как твои враги тебя совсем не простили. Поэтому…

— Поэтому?

— Верни нам своё время, Диана.

Казами мотнула ногами вперёд и рывком вскочила с места.

Кровать отъехала и стукнулась о следующую, заставив Хибу ещё раз вскрикнуть, но девушка не обратила внимания.

— Свяжи своё время с нашим. Просто, разве нет? Мирные часы после школы ещё не пришли. Мы отстаём на уроках, так что просто покажи нам свои конспекты. На экзаменах мы разберёмся сами. И тогда тоже увидим, кто ушёл из класса и не возвращается.

Казами протянула руку, словно получая что-то, и подняла её высоко.

— Если ты ещё не выпустилась от сражения и думаешь, что мы достойны быть твоими приемниками, покажи нам свои конспекты.

●

Вечерний свет омывал холм слева.

Его правую сторону покрывал забетонированный откос, а слева на границе с обрывом стояли ряды домов.

Алый свет просачивался между или над зданиями, освещая холм и стоящих там людей.

В данный момент там находилось двое.

Впереди шагала Синдзё, а Саяма отставал от неё на шаг.

Девушка несла на голове Посланника Вонамби и, поднимаясь на холм, читала письмо.

Его написала её мать и послала родителям Саямы. Это одно из найденных в Кабинете Библиотеки Кинугасы прошлой ночью.

Приехав в Сакаи, они теперь могли читать письма, поэтому Синдзё занималась как раз этим.

…Мама слала их сюда, перебравшись в Топ-Гир.

В тексте ничего не говорилось о том, почему Синдзё Юкио отправилась туда.

Согласно Хаджи, Топ-Гир её пригласил. Они хотели, чтобы она создала там место для Лоу-Гира.

О приглашении упоминалось в письме.

Но там не говорилось, чего добивалась сама Синдзё Юкио.

Сообщался только результат.

«Я прибыла в Топ-Гир»

В другом письме говорилось следующее:

«Я уверена, что UCAT сможет создать ту установку на основе моей теории создания концептов. Но, не сомневаюсь, что ты заметил, как я многое в ней изменила. Асаги-кун, как раз потому, что ты немало о ней знаешь, я сомневаюсь, что ты достигнешь успеха. Извини.»

Синдзё Юкио упомянула, что она убеждённо пошла против Лоу-Гира, но Синдзё наклонила голову.

…Я просто этого не чувствую.

Нечто в действиях Синдзё Юкио не укладывалось у неё в голове.

Просто не похоже на то, что она противостояла Лоу-Гиру.

После всего, что удалось до сих пор узнать, Синдзё вывела три загадки, которые могли бы объяснить её чувства по этому поводу.

Во-первых — какова правда за тремя вещами, которых по словам матери боялся Топ-Гир?

Во-вторых — почему её мать перебралась в Топ-Гир после открытия этих вещей?

И, в-третьих — почему Саяма Асаги не мог использовать теорию создания концептов, после того как мама её изменила?

Размышления об этих трех вещах натолкнули на определённую догадку.

…Знание того, что собой представляет Лоу-Гир, дало ей понять, что он имеет преимущество, и привело к решению переметнуться в Топ-Гир.

Речь шла о третьей вещи помимо Бабеля и библейской мифологии.

— Нечто, что есть и, в то же время, чего нет у Лоу-Гира.

…Вдруг оно настолько важно, что обеспечивало победу?

Её мать осознала, что это, испугалась его силы и дезертировала? И оставила изменённую теорию создания концептов, похитив у Лоу-Гира средства борьбы, дабы она могла направить Лоу-Гир в Топ-Гир?

Такой ход мыслей казался вполне логичным.

Но это её всё равно не устраивало. Это все лишь интуиция, но…

…Мама была таким человеком?

Она забрала с собой информацию к врагу и даже не оставила свое детище. Это чисто враждебный акт, демонстрирующий её лояльность к врагу.

В голове всплыло слово «сурово», но оно не звучало для неё правильно.

…Почему нет?

Синдзё внезапно вспомнила фотографии из прошлого.

На одной её юная мама стояла в школьной форме под вишнёвым деревом и улыбалась с настоящей силой. На другой она выдавала слабую улыбку, отправляясь в путь.

Если применить слово «сурово»…

…Придётся думать о версии моей матери, которая не вяжется ни с одной из этих улыбок.

Но ей по-прежнему нечем оттолкнуть это слово. Факт в том, что её мать, судя по всему, пошла против Лоу-Гира.

И теперь Синдзё читала письмо от неё. Оно началось с того, что Синдзё Юкио оставила дом, который ей предоставили в Сакаи Топ-Гира.

Она не просила ей отвечать и в основном рассказывала о повседневной жизни и работе.

«В этом мире я выступаю в роли советника по теории создания концептов. Однако я отдала им те же документы, что и Асаги-куну, и они тоже пытаются вывести свою теорию. Я так чувствую себя немного жестокой, но мне хочется увидеть, как люди этого мира создали установку для создания концептов своими силами. А ещё жаль, что я не взяла сюда с собой Посланников Вонамби. Работа здесь тяжёлая.

Когда показываются люди за советами или с вопросами о культуре и цивилизации Лоу-Гира, я пытаюсь с ними говорить. Возможно, поэтому они стали приходить ко мне домой. Поначалу только важные люди, но теперь показываются исследователи, студенты, а порой и соседские дети. Местное UCAT платит мне как внештатному советнику, но я потратила эти деньги на открытие большого приёмного зала, который как раз открылся. Там небольшой стол и стулья для детей, и даже орган.

Дом в том же месте, где и приют в Сакаи, в котором я жила, и мне интересно, смогу ли я как-то сделать из него церковь. Если смогу, это будет первая церковь во всём мире.»

У Синдзё появилось чувство, что её мама хорошо проводит время.

Ей казалось, это вполне в её духе, но вызывало ещё одно острое ощущение неправильности.

Оно снова исходило от того, что Хаджи и остальные говорили о её матери.

Некоторые вещи она просто не ощущала в письме.

…Вину и враждебность.

Синдзё Юкио вела себя так, словно отправилась в Топ-Гир в качестве евангелиста. Она не выказывала следов вины за своё решение и писала оставшимся дома, как ей там нравится.

Синдзё сочла, что это сильная улыбка, а не натянутая.

Ничего в письме не переписывалось, а почерк шариковой ручки был ровным.

Опыт Синдзё в написании страницы за страницей сюжета своего романа говорил ей, что мама действительно писала начистоту.

Синдзё достала следующее письмо.

Оно описывало повседневную жизнь, в особенности как она встречалась с людьми из UCAT Топ-Гира и местными для обсуждения библейской мифологии Лоу-Гира.

«Похоже, только дети обладают способностью петь гимн без задних мыслей о мире.»

Она говорила, что некоторые взрослые избегали гимнов как «песен врага».

…Что это?

Синдзё заметила кое-что странное, но не поняла, что. Синдзё Юкио предположительно собиралась направить Лоу-Гир в Топ-Гир, так почему же она учит Топ-Гир библии и гимнам, прежде чем его культуре?

Следующее письмо говорило о работе.

И начиналось неожиданно.

«Мне так тяжело иметь дело с версией меня из этого мира»

Э? — подумала Синдзё, остановившись.

Для Синдзё Юкио «версией меня из этого мира» был мужчина Синдзё Юкио.

И он, предположительно, отец Синдзё.

…Э?

Её замешательство, остановившее девушку от подъёма на холм, вызвала одна причина.

…Ей с ним тяжело?

В следующий миг Саяма чуть ли не завалился вперёд, столкнувшись с ней, и обхватил её руками.

— Ах, т-ты так внезапно остановилась, Синдзё-кун. Мне оставалось только в тебя врезаться и… А! Мои ладони по чистой случайности упали тебе на грудь.

Он раздражал, поэтому Синдзё подняла правую пятку и наступила ему на носок.

— Мвааау! — закричал он за спиной. — Хе…хе-хе. Даже твоя пята так приятна, Синдзё-кун. Но я бы предпочёл, если бы ты была честнее с собой.

Она открыто его проигнорировала и вернулась к письму.

Эм, — подумала девушка, собираясь с мыслями. — …Я не смогу это понять, не переключившись в серьёзный режим.

Синдзё выдохнула и возобновила подъём на холм, по-прежнему не отрывая взгляда от письма.

Солнце опустилось в небе, — осознала она.

…Но что она имела в виду, говоря, что ей тяжело с моим папой?

Слова продолжились, словно отвечая.

«Он исследует создание концептов, разрабатывая оружие, поэтому делает сам и мою работу, и Асаги-куна.»

Её отец, должно быть, ходил с ней беседовать как член UCAT Топ-Гира.

«Он все время просит меня о помощи. Он весьма серьёзно настроен, но как раз поэтому с ним так тяжело»

Больше о её отце в письме не упоминалось, и энтузиазм за словами далее переменился.

«Когда я заглянула в UCAT, то увидела альтернативные версии множества разных людей. Я видела людей, что, предположительно, были альтернативными версиями Асаги-куна и Юме-сан. Они разрабатывают концептуальное оружие и философские камни. А ещё Сандерсон-сан тут женщина, а её муж в авиации. В этом мире Хиба-сан разрабатывает механических драконов.

Письмо также упоминало, что в Топ-Гире действительно нет версии Бабеля.

Об этом говорилось вскользь, поэтому Синдзё на секунду оторвала взгляд от письма.

До вершины холма ещё далеко, но ворота уже видны.

Ей оставалось ещё пару писем, поэтому девушка прикинула, что это последнее, которое она прочтёт перед приходом в приют.

…Добравшись туда, я смогу передохнуть.

Синдзё опустила взгляд и прочла, что её мать построила церковь, как и хотела.

«Я скопила необходимые средства и построила церковь. Её по большей части профинансировал некто под псевдонимом «Длинноногий папа двойни». Наверное, очень хороший человек. Там даже есть концертный зал, а настоятель живёт в отдельном доме, надзирая за местом. Я благодарю бога, которого нет в этом мире, но который вскоре будет здесь создан.»

Девушка вспомнила прошлую сцену Синдзё Юкио снежной ночью, которую видела в Кабинете Библиотеки Кинугасы. Женщина была в парке, и там стояло здание, которое Синдзё приняла за приют.

…Его построила моя мать в Топ-Гире.

Было ли то здание таким же как приют, почивший под землёй после обвала?

Она создала оригинал в Топ-Гире, или скопировала Лоу-Гир?

— Каким Топ-Гир был для моей мамы?

Любопытствуя об этом, она взглянула на холм, но затем сзади подал голос Саяма.

— Кстати об этом, Хио-кун говорила, что небо Топ-Гира показалось странным, не так ли?

— Ох, да. Было такое, правда?

Хио действительно сказала, что с небом что-то не так.

Она говорила, что со снежного приюта небо Осаки казалось на удивление тёмным.

И во время прошлого разрушения Осаки, она сказала, что за тёмными облаками неожиданно показались звёзды.

— Синдзё Юкио, должно быть, видела источник этого чувства, когда стояла здесь в Сакаи.

Саяма говорил так, будто знал ответ, поэтому Синдзё к нему повернулась.

Прежде чем она спросила, что за этим стояло, она услышала его голос и увидела движение.

— Синдзё-кун, ты помнишь, что сообщила Тамия Сино-кун? Она назвала имя комплекса для создания концептов в Топ-Гире. Это имя ассоциируется с ковчегом в библейской мифологии. …Речь идёт о Ноа.

И словно отвечая на его слова, на голове Саямы поднялся Баку.

Зверёк словно принимал какую-то стойку, уставившись на место, где когда-то плакала Синдзё.

Баку смотрел за сцену обвала.

— !..

В тот же миг пейзаж переменился.

Синдзё не чувствовала себя так, будто снова погружается в сон прошлого. Пятнистое небо быстро сменилось другой сценой.

…Голубое небо!

●

Летнее небо.

Женщина, стоящая перед зданием церкви на краю обрыва.

Она была повёрнута к спиной к Синдзё, за обрывом виднелось голубое небо, внизу раскинулся город, а ещё дальше лежал океан.

Однако…

…Тёмные облака?

В Осакском небе на севере виднелись некие очертания.

Над городом парил массивный объект, тянущийся на пятнадцать километров с востока на запад.

Сперва Синдзё не сообразила, что это.

Она могла визуально разобрать, что видит, но ещё полностью не осознала ситуацию.

Это была лодка.

Воздушный корабль, окружённый внешней обшивкой и столь громадных размеров, что производил облака, когда поверхность преодолевала воздух.

Это Ноа.

Женщина, стоящая под летним небом, смотрела на тот ковчег размером с город.

И Синдзё неожиданно осенило.

…Вот что Хио показалось странным!

Теперь всё понятно. В ночь уничтожения в небе скрывались не тёмные облака, а этот ковчег. Звёзды показались после того, как корабль переместился.

И в снежную ночь, увиденную в Библиотеке Кинугасы, небо Осаки затемнял ковчег, а не

снежные облака.

В таком случае…

Во время битвы с Осакой Топ-Гира, отец Саямы и остальные пробивались к Ноа, Топ-Гир, скорее всего, использовали ковчег как свою базу, и на случай выхода из-под контроля отрицательных концептов внутри находилась и мать Синдзё.

…Ноа служил истинной сценой последней битвы?!

Прошлое не отвечало её вопрошающему возгласу.

Но оно двинулось. Мать Синдзё к ней повернулась.

…Ах.

Длинные волосы и юбка женщины колыхались на ветру.

Синдзё ахнула на открывшееся выражения лица матери.

Слабая улыбка.

И Синдзё приоткрыла уста, обращаясь к ясному голубому небу и Ноа у себя за спиной.

— К сожалению, я не могу всецело с вами сотрудничать. Помнится, я ясно дала это понять, когда перешла сюда. Я сказала, что буду предоставлять самый минимум посильной помощи, чтобы сохранить достоинство Топ-Гира.

Она обращалась не к Синдзё, что означало…

…За моей спиной кто-то есть?

Синдзё могла здесь развернуться, просто подумав, поэтому так и сделала, будто вращаясь на пятке, и посмотрела в ту же сторону, что и мать.

Перед собой она увидела кого-то в лабораторном халате, стоящего в центре летнего солнечного парка.

Это был худой мужчина с тёмными волосами, завязанными сзади. Глаза под его очками светились явной резкостью.

— Так ты не станешь нам помогать?

Несмотря на его слова, тон ясно говорил, что он всецело этого ждал.

Однако Синдзё заметила бейджик на груди его халата.

…Директор отдела разработки концептов Ноа — Синдзё Юкио.

Она не сразу подумала о нём, как об отце. Он ещё не в том положении, и…

…Мама сказала, что ей с ним тяжело.

Когда он обернулся, Синдзё обуяла неожиданная мысль: возможно, с ним то же самое.

И голос женщины Юкио прокричал вслед халату.

— Некоторые понимают, что я делаю. Я смогла построить эту церковь… и даже концертный зал. Всё благодаря щедрым пожертвованиям множества людей. Поэтому… поэтому мой ответ не изменится, как бы часто ты сюда ни приходил. Я передала свои документы и выслушала, что ты хотел сказать, но не предоставлю безудержной поддержки. Сколько бы ты сюда ни приходил, притворяясь, что понимаешь мою работу, мой ответ не изменится. Знай!

Её голос его преследовал, но халат не обернулся и его уходящие ноги не остановились.

Словно занимая место, через ворота в парк вошло несколько шагов.

Они принадлежали детям.

Всех вела воспитательница детского сада, и они побежали к Синдзё, словно вливаясь в ворота.

Парк наполнился обилием голосов, взаимными приветствиями, и отец Синдзё скользнул в сторону ворот, чтобы не мешать. Затем зашагал к городу внизу и спиной к Синдзё

Девушка посмотрела мимо оставшейся женщины и прибывших детей и проследила за его уходом.

…Это мой папа?

Она поняла, что родители имели свою точку зрения, исходя из их положения.

Её мать хотела работать советником, предоставляя понимание Лоу-Гира тем, что распространяла библейскую мифологию. Отец хотел помочь в предстоящей последней битве.

…Он серьёзен, поэтому ей с ним тяжело.

А может, они оба такие, — осознала она.

В тот же миг прошлое переключилось.

В основном переменился цвет.

Небеса превратились с голубого неба в тёмно-красное.

Иными словами, они сменились с мирного лета на ночь разрушения.

●

Разрушение насыщало небо, землю накрыли тёмные облака, а просветы в них открывали вид на красный цвет, заливавший поверхность.

Поверх тёмных туч сверкали молнии, а облака над ними шевелились.

Небесный потолок вихрился и искажался.

Разум Саямы это созерцал.

…Мир становится отрицательным?!

С этой землёй в центре мир сожмётся, начиная с краёв, пока совсем не исчезнет.

Скорее всего, — определил он для себя. — Люди этого мира и вся остальная жизнь уничтожается.

Всё шло не так, как в прочих Гирах, упавших в отрицательную сторону после потери своих концептов. Этот мир по-прежнему поддерживали его концепты, но он становился отрицательным, словно выворачивая всё наизнанку. В тот миг всё сущее в мире переходило в отрицательную сторону и исчезало, не оставляя времени на страдания.

Всё, что сумело сохранить свою форму, будет уничтожено, когда его уровень разрушения возрастёт слишком высоко, и был лишь один способ выжить.

…Людям, у которых есть философские камни сопротивления из других Гиров.

Таковыми будут те, кто пережили первый удар отрицательности внутри комплексов вроде Ноа.

Пока лавина отрицательности поглощала Топ-Гир, Ноа всё ещё существовал.

Гигантская белая лодка словно погружалась в тёмные облака.

Над ними, в них и прямо под ними метались механические драконы и летали на металлических мётлах ведьмы.

На земле внизу схлестнулись люди в защитной форме и обменивались атаками различной силы.

Точка обзора Саямы позволяла окинуть это всё взглядом.

— ?!..

Но его разум неожиданно набрал скорость, словно его что-то подхватило.

Что? — гадал парень, перед тем как осознал, что предоставило ему опору. Это был механический дракон. Разум Саямы стоял на тёмно-синей броне в сопровождении двух до боли знакомых фигур.

Они носили белую защитную форму и рассекали ветер в полёте дракона.

Мои…

Женщина присела, словно цепляясь за броню механического дракона.

— А-тян! Опасно так стоять!!

— Согласен, Юме-сан, но я просто столько всего должен увидеть.

Мужчина, Асаги, пригладил волосы и смотрел вперёд.

Меж облаками виднелся Ноа, и массивный ковчег напоминал парящий остров.

Посреди ревущего ветра механический дракон испустил голос.

— Асаги. Я собираюсь приблизиться, как только определю точное пересечение воздушных потоков. Я сброшу вас на втором круге.

— Тэстамент. Буду признателен. И постарайтесь подготовить обратную печать. Я непременно вернусь.

— Тэстамент, — ответил дракон. — Я уверен, Итару занимается приготовлениями.

— Он слишком себя изматывает. Лучше бы мы не брали его с собой.

Юме потянула за рукав Асаги и нахмурилась.

— Ты же сам так решил, А-тян. Половина ответственности на тебе.

— Я знаю. Тэстамент. Понял. И…

Саяма услышал, как губы отца покинуло определённое заявление.

— Я понесу ответственность за разрушение этого мира.

…Так это правда.

Слова вызвали ощущение боли в груди.

Как и сказал Хаджи, его отец уничтожил Топ-Гир. Он сам только что это признал.

Когда мы столкнёмся с Топ-Гиром, я не могу отводить глаза от правды, — поклялся он себе, и, следовательно, признал.

Затем парень заметил, что его мать всё ещё тянет за рукав отца.

— Ты уверен, что справишься сам, А-тян? Ты правда её вернешь? Ты приведешь Юкио назад в Лоу-Гир?

Её голос слегка дрожал.

— И приведешь ли ты и её ребенка?

Асаги повернулся к жене, кивнул и улыбнулся.

— Да, — сказал он. — Не волнуйся. Я приведу всех назад. И прежде, чем Микото проснётся.

!!..

Как только разум Саямы опешил, механический дракон заговорил снова.

— Я ценю проявление семейной любви, но мы почти у концертного зала. Тебе видно, Асаги? Если на поверхности написано «осторожно» диалектом Осаки, опусти руку вниз и взмахни ей к голове для цуккоми-приветствия.

— Ты-то откуда знаешь о таком местном обычае?

Тем временем зрение Саямы резко подскочило. Дракон подлетел вверх, словно прыгая.

Всего на миг он испытал бесконечную серию движений.

Дракон извернулся вправо, использовал движение для полёта в облака и скользнул в группу вражеских механических драконов.

!!..

Вспышки снарядов раскидали в воздухе цветущее пламя, талисманы, брошенные его матерью, отразили вражеские атаки, а отец смотрел прямо перед собой.

Не давая себе перевести дух, они покинули облака, ветер и приблизились к громадному белому барьеру.

Это Ноа.

Рукотворный ковчег неподвижно висел в небе, подобно стене.

Дракон пролетел как раз над его обшивкой и набрал высоту. Его ускорение в небо оставило преследующих вражеских драконов позади. Он летел в небеса, откуда Ноа уже не видно.

В тот же миг Саяма посмотрел в ту же сторону, что и его отец, и кое-что осознал.

Под ними за большим окном на верхнем уровне Ноа кто-то стоял.

Это были два Синдзё в лабораторных халатах с белой автоматической куклой за спиной.

— А-тян! Это!..

— Я знаю! Скорее, Сандерсон! Скорее, семья грома!

Отец Саямы повернулся к Ноа, нахмурил лоб и протестующе воскликнул.

— Внутри нежеланного ковчега ждут появления злодея!

Голос мужчины прогремел, когда Саяму швырнули в небо прошлого.

Его зрение мгновенно потемнело, и парень начал пробуждаться в настоящем.

В процессе этого он думал.

…Родители Синдзё-кун держались всё время порознь, так почему же они вместе?

И как его отец и остальные уничтожили тот мир?

Так много вопросов, и Саяма не сомневался, что их будет гораздо больше. Он потянулся левой рукой во тьму. Она казалась пустой, но за ней поджидала реальность.

Он был уверен, что получит там нечто важное.

●

Тем временем в американском UCAT Ёкоты сонный песок предоставлял Харакаве сон о битве в Осаке Топ-Гира. В больнице Акигавы мама Харакавы рассказывала Хио, что видела сама. В японском UCAT Казами, Изумо и Хиба наблюдали, как Диана разомкнула уста.

— Произошедшее той ночью даже мы не до конца понимаем.

Она горько улыбнулась, продолжив.

— Как насчёт того, чтобы рассказать вам о времени, начавшемся в ту ночь, и, надеюсь, связанным с настоящим?

http://tl.rulate.ru/book/95927/3677722